

Вера Федоровна ПАНОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

Ленинград «Художественная литература». Ленинградское отделение, 1988

Том 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

О МОЕЙ ЖИЗНИ, КНИГАХ И ЧИТАТЕЛЯХ

ЭТОГО ПИСЬМА Я ЖДАЛА И ДОЖДАЛАСЬ

И вот мы в Нарве, и мальчик Олег ведет нас по улицам. Он сам подошел, Олег, услышав русскую речь, сам вызвался проводить. «К русским, к русским!» — говорит он. Женщину, к которой мы приходим, зовут Полина Николаевна, дочь у нее замужем за советским офицером и живет в Ленинграде, и потому она смотрит на нас как на дочерних посланцев.

Полина Николаевна начала с того, что расстелила на столе под лампой белоснежную скатерть и стала кормить нас обедом.

Есть вещи, о которых трудно рассказывать, боишься, что тебя поймут неправильно. За недолгий путь из Пушкина в Веймарн, за несколько дней барачной жизни среди беженцев я не только забыла о таких вещах, как скатерть, вилка, мирный свет висячей лампы, — я перестала верить, что они есть на свете. Полина Николаевна своим радушием возвращала нам веру в то, что все есть и все еще будет.

Благословен тот, кто для путника, пришедшего из мрака, зажжет свет, и постелет скатерть, и подаст кушанье. Благословенны возвращающие людям веру.

В этой крошечной гостеприимной квартирке мы и ночевали первую ночь. Но на другой вечер пришел полицейский и увел нас. «Беженцы должны жить в специальных местах, — сказал он, — а то получается непорядок». Нам очень не хотелось покидать наш приют, почему же я знала, что это за мной приходила моя литературная судьба? Да, это была судьба, она повела меня по вечерним улицам и привела в странный зал, холодный и унылый, где окна были закрыты шестиугольными желтыми щитами, а с потолка свешивалась электрическая лампочка на кривом шнуре, и в ее свете двигались какие-то люди в серых лохмотьях.

— Они не похожи на беженцев, — сказала я.

— Вера Федоровна, — сказала Надежда Владимировна, знавшая все на свете, — вы знаете, где мы? Ведь это синагога!

Да, нас привели в синагогу. По узкой лестнице мы поднялись на хоры, там были нары, устланные соломой, здесь нам предстояло жить сколько-то времени. Потом пришла раввинша, маленькая, страшная, похожая на сверток каких-то траурных лоскутков, — вдова раввина, убитого немцами в числе других нарвских евреев. У нее убили всех, вплоть до внуков и правнуков, она одна жила в опустевшей, оледеневшей квартире и просила у всех, в том числе и у нас, чтобы ей привезли дров. Одну из ночей мы ночевали в этой

квартире, набитой свалявшейся овечьей шерстью, и всю ночь мне снились те, кого увели отсюда, чтобы убить.

А те оборванные люди в синагоге были пленные — военнопленные с Эзеля и других островов. Бургомистр Нарвы выпросил их у немецкого командования для городских работ и поселил в синагоге вместе с беженцами. Мы отдали им остатки продовольствия, взятого из Пушкина, подарили им иголки и нитки, а они, когда пришло нам время уходить из Нарвы, смастерили нам саночки, чтобы мы могли везти наши рюкзаки, а не тащить на спине. Вот как выглядело то, что я потом описала в пьесе «Метелица», пьесе, которая много лет пролежала у меня в столе, прежде чем появилась в печати и на сцене.

Даже умный, добрый ко мне А. К. Тарасенков сказал про нее: «Что это вам вздумалось написать такую мрачную вещь?» Н. Коварский выразился резче: «Кому это нужно?» Один за другим театры от нее отказывались.

Тихие жительницы городка Пушкина, приведенные судьбой в это странное место, мы слушали жестокие рассказы этих людей о муках плена, о прежних их профессиях, об оставшихся дома близких, но не это меня поразило. Поразило, когда (это было в первый же вечер) в угрюмом зале с грязно-желтыми щитами на окнах вдруг грянула песня.

*Вдоль по улице метелица метет,
За метелицею девица идет, —*

чисто вывел молодой красивый тенор, и хор загремел могуче:

*Ты постой, постой, красавица моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя!*

Обреченные люди пламенно звали к жизни, останавливали ее, желая перед гибелью на нее наглядеться:

*На твою ли на приятну красоту,
На твое ли то ль на белое лицо...*

Вот откуда взялась моя пьеса «Метелица», сберегавшаяся до того дня, когда Центральный театр Советской Армии осуществил ее постановку. Спектакль был хорош, но для меня окончательной победой пьесы была ее премьера в Ленинграде, в Большом драматическом театре имени Горького, где ее поставил Мар Владимирович Сулимов.

Я сидела в зале, и, когда сцена замутилась метелью, когда пошли перед глазами фигуры пленных и в зале синагоги зажглись бра, мне пришла в голову мысль: «Разве не может быть, что кто-нибудь из них, из тех, находится сейчас среди зрителей? Почему же этого не может быть, это вполне может быть, и конечно же он узнает, непременно узнает. Если еще не узнал, то узнает сию минуту, как только грянет песня. Уж песню-то он не может не узнать, уж таких-то совпадений не бывает, эта песня пелась тогда-то и там-то, и пели ее такие-то».

И песня грянула:

Вдоль по улице метелица метет...

Но сколько я ни смотрела (а я смотрела во все глаза), никто не поднялся в зале (а должен был подняться, если б узнал), никто не подошел к рампе (а, конечно, подошел бы, если б узнал)...

Уходя после спектакля, я все оглядывалась, не идет ли кто за мной... Но не шел никто.

И тогда я стала ждать письма.

«Метелица» шла на сцене Ленинградского БДТ несколько сезонов, и все я ждала письма.

Фантазировала: он живет не в Ленинграде, в БДТ не ходит. Но вот получил командировку в Ленинград. Ему говорят: «Сходи в БДТ, это у нас хороший театр». Он спрашивает: «А на что сходить?» — «Да на что достанешь билет». И вот ему выпадает билет на «Метелицу». Он садится на свое место, идет занавес... В зале синагоги загораются бра, летит метель, входят пленные. Кто-то запекает:

Вдоль по улице метелица метет...

— Пойдите! — говорит этот человек. — Пойдите!

Так я себе рисовала, дожидаясь письма.

Вышло иначе. Хотя письма я все-таки дождалась.

После довольно долгой сценической жизни спектакль БДТ «Метелица» был показан по телевизору. Вот после этого-то и пришло письмо.

Я его привожу слово в слово.

Здравствуйте, дорогая писательница Вера Панова.

Прошу большого извинения за такое простое обращение к Вам.

Я давно решил Вам написать письмо, но даже не знаю, как обратиться и по какому адресу написать. Я живу в г. Черемхово Иркутской области и работаю здесь на шахтах и разрезах много лет в должности горного мастера.

Недавно я смотрел по телевизору постановку Ленинградского театра, правдивую киноповесть в 2-х частях «Метелица» по Вашему роману или повести.

Я хочу поблагодарить Вас за такую кинокартину, ибо я сам там в эти дни и минуты был участником этой истории. Я был в этом синагоге-лагере с начала его организации и почти до конца 1943 года в городе Нарва. Прошу Вас, если Вам не трудно, напишите письмо мне, и я Вам тоже могу кое-что написать. Конечно, это было так давно.

Вашего адреса я не знаю, но догадываюсь, что Вы состоите в Союзе писателей г. Ленинграда, и я решил написать Вам письмо-розыск.

Мой адрес...

Б. Тарасюк.

Я и теперь жду писем. Я всегда жду писем... Вдруг, например, мальчик Олег (теперь уже, разумеется, взрослый Олег), прочитав этот рассказ, напишет мне: «Ах, как же, помню». Или вдруг тот переводчик жив-здоров и напишет: «Как же, помню, грузовик вот-вот уйдет, а вы с больной девочкой и старушкой останетесь на бобах...»

горячее молоко, а то они заболеют... И у меня в квартире мороз. Когда просыпаюсь, у меня на глазах лед... Я не понимаю. Когда же мне привезут дрова? Во дворе лежат; это не мне?

Л у т с. Нет.

Р а в в и н ш а . Мне?

Л у т с (в отчаянье). Да не вам!

Входит Д а х н о.

Р а в в и н ш а . А мне когда?

Л у т с. Идите к городскому голове, что вы ко мне ходите, я тут ни при чем!

Р а в в и н ш а . К кому идти?

Л у т с. В ратушу!

Р а в в и н ш а . Это где?

Л у т с . Двести лет тут прожили, и не знаете? На площади! Идите с богом!

Р а в в и н ш а . А где бог? Я его тоже звала — не отзывается. Почему он не посмотрит, как мне холодно? Почему он не дает мне обратно Мойше, Рувима, Шолома, Сару? Бог! Где ты, бог? Где мои дети? Где мои внуки? Люди, отвечайте мне: куда вы их девали? Что вам сделали маленькие дети?.. Бог!..

.....